

Б. Г. Доронин*Санкт-Петербургский государственный университет***Какое прошлое Китая мы знаем**

Китай — единственная страна, чье прошлое мы знаем, начиная с глубокой древности, причем это история записаная, а большая часть пройденного этой страной исторического пути зафиксирована только в трудах ученых императорского Китая, сочинения которых и поныне являются основным (а для первых 40 веков китайской истории практически единственным) источником сведений о Поднебесной. Поэтому, обращаясь к истории Китая, необходимо знать, как видели ее авторы имеющихся в нашем распоряжении трудов, каким они хотели сохранить прошлое своей страны в памяти потомков. К сожалению, данная проблематика внимание специалистов привлекает редко, исторические труды ученых старого Китая они чаще всего воспринимают как документальное свидетельство о событиях минувших эпох.

Между тем, китайское классическое историописание — феномен уникальный, аналогов которому в мире нет. Его породило собственное далеким предкам современных китайцев особое отношение к прошлому, а свои первые шаги оно делало уже на заре китайской цивилизации в русле формирующейся государственности, ритуалов и политической практики правителей как дело высочайшей значимости. Все основные присущие ему качества классическое китайское историописание обрело в империи Хань (206 г. до н. э. — 220 г.), в период становления монархии, основанной на принципах конфуцианства. И с тех пор до начала XX в., когда эта монархия рухнула, официальное историописание фактически выступало как монополист на освещение прошлого. За 40 с лишним веков своего непрерывного существования под эгидой государства оно превратилось в один из наиболее стабильных и востребованных государственно-политических институтов конфуцианской монархии, ее надежную опору, было жестоко ориентировано на решение стоявших перед властями крупных политических и социальных проблем и находилось под личным контролем императора.

Официальное историописание отличала необыкновенная продуктивность, придворными историками императорского Китая был создан огромный фонд исторических трудов, имевших 15 жанров, — важнейший компонент письменной культуры Китая того времени; по своим масштабам он, видимо, вполне сопоставим с тем, что написали историки всего остального мира. Концептуальной базой китайского историописания все 40 веков оставалось конфуцианство, неизменными были и принципы составления исторического труда, понимание его предназначения; созданный текст никогда не переписывался. Статус этих сочинений был необычайно высок, в императорском Китае они рассматривались как государственные документы особой важности, и поэтому большая их часть сохранилась до наших дней.

Огромный фактический материал, аккумулированный на страницах этих трудов, имеет свою специфику: это была специальная версия национальной истории, прошлое страны, увиденное сквозь призму конфуцианства. Как известно, питательной средой, на которой возросло это этико-политическое учение, было историко-культурное прошлое страны, и его адекватное отражение в трудах придворных историков было вряд ли возможным.

Так, руководствуясь концепцией «Мандата Неба» и некоторыми другими основополагающими доктринами официального конфуцианства, весь пройденный Китаем исторический путь, начиная с Желтого Императора (Хуан-ди), придворные историки трактовали как непрерывную цепь легитимных династий и правителей, по воле Неба сменяющих друг друга на остающемся незыблемым китайском престоле. В официальной истории императорского Китая смена династий стала центральным событием, во многом определявшим весь последующий ход событий. По представлениям придворных историков, обусловлена она была не какими-либо экономическими или социально-политическими причинами, а утратой правителем благой силы «дэ», что лишало Сына Неба присущих ему мироустроительных функций и приводило к полному расстройству дел правления. Династийный кризис неизменно решался благополучно: на китайском престоле появлялись новые правители, сполна обладавшие благой силой «дэ», и конфуцианская монархия продолжала успешно функционировать по раз заведенным правилам. То был законосообразный размеренный процесс, где ничто не могло выйти за рамки, определенные

Конфуцием. Фактический материал, собранный придворными учеными на бескрайних просторах китайской истории, убедительно демонстрировал действенность и универсальную ценность основных доктрин его учения и особый характер сложившейся на их основе китайской государственности. Именно с таким прошлым имеет дело каждый, кто обращается к истории Китая. Однако если заглянуть за кулисы официального историописания, становится очевидным, что в действительности пройденный Китаем путь был значительно сложнее этой универсальной схемы.

Хорошо известно, что помимо режимов, признанных придворными историками легитимными, в Китае существовали и иные, которые «Мандата Неба» не получили, и их было намного больше, чем легитимных. Многие из них оставили заметный след в истории Китая, но в официальной ее версии они описывались как не имеющие права на существование, находящиеся за рамками исторического процесса.

Внимательное изучение трудов придворных историков убеждает и в том, что существование конфуцианской монархии вовсе не было таким безмятежным, как они пытались показать. На своем долгом пути она неоднократно переживала тяжелейшие кризисы, обусловленные отнюдь не утратой правителями «Мандата Неба» — эти кризисы потрясали ее устои, и без серьезной переналадки всего государственного механизма дальнейшее успешное функционирование конфуцианской монархии было невозможно. А это требовало времени и особых усилий властей.

Тяжелейший кризис конфуцианская монархия пережила уже в последовавший за крушением в 220 г. империи Хань четырехвековой период, когда на долгие годы был утрачен единый политический центр, и пути различных частей павшей империи весьма существенно разошлись.

Основательно преобразившаяся и достигшая беспрецедентного расцвета в эпоху империи Тан конфуцианская монархия после ухода династии с исторической арены вновь сталкивается с огромными трудностями: в Китае одновременно правят сразу несколько династий, признанных легитимными, а в стране постепенно набирают силу процессы, разрушавшие сложившиеся при династии Тан основы государственности и уклада жизни. Период этот растянулся до середины XIV в., когда сменившая монголов на китайском престоле династия

Мин (1368–1644) в лице ее первых правителей, не жалея сил, пыталась адаптировать конфуцианскую монархию к стремительно меняющейся ситуации в стране и окружающем ее мире. Но добиться этого она так и не смогла, о чем свидетельствовали грозные события, сотрясавшие империю во второй половине XVI — начале XVII в. Все происходившее в этот период в Китае говорило о том, что конфуцианская монархия утрачивает свой созидательный потенциал, и лишь целенаправленные экстраординарные усилия пришедшей к власти в 1644 г. династии Цин смогли вдохнуть в нее новую жизнь, и к середине XVIII в. она достигла в своем развитии апогея. Но ее процветание было недолгим, неумолимое время делало ее дальнейшее существование невозможным. С конца XVIII в. империю поражает затяжной и крайне болезненный для китайского общества кризис, закончившийся в 1911 г. окончательным крушением монархии в Китае.

Таким образом, история Китая — это не калейдоскоп легитимных династий, сменяющих друг друга по воле Неба, а постепенное поступательное продвижение от одного этапа своего развития к другому. Оно не было похожем на то, как проходили свой исторический путь европейские страны, но самобытная китайская цивилизация вряд ли должна была копировать то, что создала цивилизация европейская.

Нежелание видеть специфику созданной придворными историками императорского Китая официальной истории своей страны или ее некритическое восприятие вдохновляют некоторых китаистов на суждение о якобы органически присущей Китаю цикличности развития, его «недвижности», что и обусловило, по их мнению, извечную его отсталость от других динамично развивавшихся стран и регионов. При этом сторонники данной концепции не пытаются объяснить, почему общество, которое, по их мнению, десятки веков «ходило по кругу», отнюдь не прозябало на исторической арене, а довольно долго значительно опережало многие другие страны и народы (в том числе и Европу) — свидетельств тому в трудах китайских историков сохранилось немало.

Тесно примыкает к этой концепции и представление о «традиционности» китайского общества, она стала своего рода брендом Китая и воспринимается как фактор негативный. Именно так некоторые специалисты, опираясь на труды придворных историков, оценивают особую приверженность китайцев своему культурно-историческому

прошлому. Но бережное отношение к прошлому присуще всем народам. Для китайцев оно было прежде всего источником апробированного предками опыта, а также своего рода камертоном, с которым следовало сверять свои поступки правителям и их подданным. И это сделало прошлое активным и весьма эффективным фактором жизни государства и общества в Китае, но воспроизвести его «традиционное» китайское общество никогда не пыталось — от этого его предостерегал еще Конфуций.

Свойственное официальной версии истории Китая жесткое членение исторического процесса на династийные циклы, как нам кажется, существенно искажает и представление о процессах, которые шли в сфере духовной культуры: по природе своей они инерционны, и их вряд ли возможно вписать в рамки сменяющих друг друга династий.

Заслуживает самого пристального внимания и еще одна примечательная особенность официальной версии истории Китая: она содержит мощный пласт материалов, посвященных историческим персонажам. Это прежде всего особого вида сочинения, которые принято именовать биографиями. Именно эти сочинения неизменно выступают как основной источник сведений не только о жизни подданных Сына Неба, но и о прошлом страны (поскольку они насыщены историческим материалом). Но биографий в нашем современном понимании этого жанра придворные историки не писали и писать не могли — личная жизнь человека в императорском Китае достоянием гласности быть не могла. Биографии эти были функционально жестко ориентированы на утверждение предусмотренных конфуцианством норм социального поведения и обеспечивали контроль властей над всеми слоями общества.

Таким образом, огромный фактический материал, которым насыщена официальная версия истории Китая, адекватного представления о прошлом Китая не дает: многие поколения придворных историков веками трудились не покладая рук во имя обеспечения эффективного функционирования конфуцианской монархии, решению именно этой задачи была подчинена вся деятельность официального историописания императорского Китая, что предполагает необходимость весьма обстоятельного знания этого процесса.